

что богатому закрывается входъ въ царствіе небесное только потому, что онъ богатъ, что только въ *этомъ* смыслѣ надо понимать и слова, сказанныя І. Христомъ юношѣ, о томъ, что «легче верблюду и т. д.», тогда какъ І. Христосъ, навлекавшій даже на себя порицаніе отъ враговъ своихъ за то, что былъ другомъ мытарямъ и грѣшникамъ, людямъ, большею частью, богатымъ, І. Христосъ, сердцеводець и знатокъ человѣческой природы, хотѣлъ этимъ объяснить лишь трудность внутренней борьбы человѣка съ своимъ эгоизмомъ, съ своими матеріальными, мелочными привязанностями на землѣ, а не то, что деньги сами по себѣ зло и не могутъ служить источникомъ добра и пользы при взглядѣ на нихъ болѣе просвѣщенномъ и человѣчнымъ. И еще неизвѣстно, кто передъ Нимъ выше: бѣдный ли искушаемый страданіями и бѣдностью, или могучій и богатый, искушаемый своею властью, богатствомъ? Не даромъ еще La Rochefoucauld въ своихъ *Maximes* замѣтилъ, qu'il faut de plus grandes vertus pour soutenir la bonne fortune que la mauvaise».

И вотъ такимъ то образомъ, вслѣдствіе указанныхъ крайностей, пропадаетъ, оставаясь безъ признанія и примѣненія, дѣйствительно высокая и положительная сторона ученія гр. Толстого (если не считать рѣдкихъ случаевъ крайнихъ его примѣненій, когда какой нибудь эксцентрикъ, по своему понявъ проповѣдь гр. Толстого, удаляется отъ міра, чтобы пахать, тачать сапоги и т. п., или того чисто анекдотическаго интереса, какой возбуждала и продолжаетъ еще возбуждать проповѣдническая дѣятельность автора «Войны и міра:» разговоры о хожденіи его пѣшкомъ изъ Москвы въ Тулу, о шитьѣ сапогъ и т. п.

Спѣшимъ также оговориться, что употребляя слово «ученіе» мы разумѣемъ подъ нимъ общій смыслъ *всей* литературной дѣятельности гр. Толстого, а не догматическія